

Из первых уст. Ветеран боевых действий из Добрянки рассказал, как остался живым

Был неделю «двухсотым»

Слушаю я сидящего рядом со мной ветерана специальной военной операции **Евгения Теплоухова**, а где-то вдалеке рефреном словно бы шолоховский **Андрей Соколов** из «Судьбы человека» слышится.

«Дырявил немец мою машину и сверху и с боков, но мне, браток, везло на первых порах. Везло-везло, да и довезло до самой ручки. (...) Не слышал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как остался тогда живой – не понимаю...» – рассказывал герой произведения.

Так и с нашим земляком. Только вместо старенького ЗиС-5 был заслуженный УАЗ, вместо крупнокалиберного фашистского снаряда – украинский дрон, а на календаре вместо покрытого дымом пожара 1942-го – горячий 2024-й.

Шанс на перемены

– Я – коренной добрянец. Родился здесь в 1985 году, учился в пятой школе, потом 18 лет отработал резчиком, оператором станка с ЧПУ на бумкомбинате в Голованово, – говорит Евгений. – Каждое утро – туда, вечером – обратно, туда-обратно, и так год за годом. И в конце концов надоело мне это дело хуже горькой редьки. В чём смысл жизни? Не пора ли внести перемены? А тут ещё с женой разошлись, дочь – взрослая уже, с ней осталась, а 12-летний сын – со мной. И вот сказал я ему как-то: «Оставайся с бабушкой, а я пойду повоюю». И отправился в военкомат. 5 мая прошлого года подписал контракт, а 15-го уже был в Донецке. И закрутилось, завертелось всё, как в кино.

Не до формальностей

Попал в 90-ю гвардейскую танковую дивизию, но не в танкисты.

Наш земляк Евгений Теплоухов во время службы в зоне специальной военной операции. / ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Е. ТЕПЛОУХОВА

Сначала две недели бегал по полигону с пулемётом ПК, а потом подвернул ногу, и командир перевёл меня в водители. «Водить машину можешь? Могу! Садись за руль...» И это при том, что «срочку» я не служил, не взяли по здоровью, и водительских прав тоже не было. Как так? Да так. С техникой был увлечённо связан с детства, за что спасибо деду, с малолетства ездил и на мотоцикле, и на машине, но на права не сдавал. А тут война, передок, водители на перчёт, то один «трёхсотый», то другой «двухсотый», а боевые задачи выполнять надо. Короче, не до формальностей.

Знали, куда шли

Парни вокруг подобрались нормальные. Таких, чтобы заканючили, мол, устали, навоевались, я в своём окружении не встречал. Все знали, зачем и куда шли, ставя в документах свою закорючку. А если брать старших по возрасту сослуживцев, кому было за пятьдесят, то те часто рассуждали так: «Какая разница, всё равно когда-то помирать придётся. А тут хоть какой-то смысл есть».

Растворяясь в пространстве

В моём распоряжении были два уазика. Сегодня на одном боекомплект (БК) на передок

закидываю, завтра на другом раненых вывожу. Донецк, Авдеевка, Новосёловка... Такая вот боевая работа. И, несмотря на разные опасности, всё у меня было хорошо. Даже медаль «За отвагу» заслужил. Но до той поры, пока лист календаря не замер на 28 августа 2024 года.

Как обычно, отвез «посерому» (в сумерках) пацанам БК, гоню обратно. Откуда взял дрон, не знаю. Только услышал слева «вжик!» – и тут же вспышка. Взрыв разворотил мне плечо, челюсть, повредил левый глаз, почти лишил слуха. Но об этом я узнал много позже. А тогда – отключился и, даже не чувствуя боли, перенёсся в некую абсолютно непроницаемую, немую, всепоглощающую тьму.

Вот я был, и вот меня не стало. Слово бы растворился в пространстве. А потом очнулся в такой же тьме. Стал ощущать всё вокруг и понял, что лежу на каких-то мешках в каком-то подвале. Стал ползать, то ли кричать (так мне казалось), то ли стонать, и меня слышали! Появились ошарашенные мужики из нашего же полка, вытащили меня на свет: «Это ты? Как?! Ты ведь уже неделю, как «двухсотым» числишься!» На календаре было уже начало сентября.

Оказалось, после взрыва меня подобрала ехавшая следом машина. Обстрел, запарка, парни не нашли во мне признаков жизни и сгрузили на время в первый попавшийся подвал. И в нём с тяжёлыми ранениями и огромной кровопотерей я провёл больше недели! До сих пор не понимаю, как такое возможно. А может, только моя телесная оболочка там была? Когда позже сослуживцы спрашивали: «Женя, ты где был всё это время?» – я отвечал просто: «Там». «Где там?» «На том свете».

Слышал, что люди, пережившие клиническую смерть, попадали в некий световой тоннель, но у меня ничего такого не было. Только тьма, в которой, как в невесомости, качалось моё тело.

На группе

А потом я стал вынужденно изучать географию нашей страны по госпиталям и больницам: Донецк, Макеевка, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Челябинск... Плечо худо-бедно собрали, левый глаз сохранили, но зрение – нет. Вижу только правым глазом, слышу плохо, ещё и палец на правой руке не гнётся.

В свою часть вернулся в декабре. Потом начались отпуски по ранению, медицинские комиссии, и в мае нынешнего года меня уволили со службы по окончании контракта. На днях в Перми дали инвалидность, но почему-то не по второй, как, например, моему потерявшему глаз сослуживцу из Новосибирска, а по третьей, рабочей, группе. Пошёл устраиваться на работу. Меня вроде бы и не против взять на том же бумкомбинате в Голованово или в добрянском «Благоустройстве», но справедливо опасаются: «Как ты без глаза, слуха и плеча работать будешь?» Сейчас обратился по поводу второй группы инвалидности в фонд «Защитники Отечества». Обещают оказать содействие.

***

Как там у Шолохова в концовке его звенящего от боли рассказа? А там прозвучали оптимистические нотки:

– Прощай, браток, счастливо тебе!

– И тебе счастливо...

Есть надежда, что всё хорошо сложится и у героя нашего времени. А иначе и быть не должно.

Окраина Донецка. УАЗ для перевозки раненых. Один из самых распространённых и нужных автомобилей на СВО. / ФОТО МИХАИЛА КАЛИНИНА

Донбасс. Ракетно-пушечный комплекс «Панцирь». Прикрывает от ракет и беспилотников противника как гражданских, так и военных объектов. / ФОТО МИХАИЛА КАЛИНИНА